

DOI 10.15826/qr.2020.1.465
УДК 314.4+616-036.865+159.97

**ИНВАЛИДНОСТЬ – ПОНЯТИЕ
И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ:
ДИСКУССИОННЫЕ ЗАМЕТКИ***

Михаил Строганов

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина;
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
Москва, Россия

**THE NOTION OF *DISABILITY*
AND RELATED RESEARCH TERMINOLOGY:
DISCUSSION POINTS****

Mikhail Stroganov

Kosygin Russian State University,
Gorky Institute of World Literature of RAS,
Moscow, Russia

The history of civilization is also the history of incapacitation and the use of new artificial appliances and practices gradually introduced at every stage of humanity's development in order to help people survive regardless of the laws of natural selection. This article considers the terminology related to the sphere of disability and bodily deviation through a historical perspective while also focusing on forms of representation and their comprehension by society. The author demonstrates that the term "deviation" serves to classify people with disabilities and forms of their representation. People with a bodily deviation can be easily portrayed from the point of view of the visual, with artistic attention to them reaching its climax between the seventeenth and the early nineteenth centuries. In such works, disabled people try to overcome the stigma and start

---

* Работа выполнена в рамках проекта «Репрезентация инвалидности и людей с ограниченными возможностями здоровья в России» (РГНФ, № 16–01–00145a / РФФИ, 16–01–00145–ОГН).

** *Citation*: Stroganov, M. (2020). The Notion of *Disability* and Related Research Terminology: Discussion Points. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 319–325. DOI 10.15826/qr.2020.1.465.

Цитирование: Stroganov M. The Notion of *Disability* and Related Research Terminology: Discussion Points // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 319–325. DOI 10.15826/qr.2020.1.465 / Строганов М. Инвалидность – понятие и исследовательская терминология: дискуссионные заметки // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 319–325. DOI 10.15826/qr.2020.1.465.

being perceived like everyone else. Starting with the early nineteenth century, works of fiction refer to deviant sense organs. Only in the twentieth century did writers start focusing on deviant psyches and minds, which were previously associated with deviations in social behaviour. The author maintains that the terminology of disability relies on the existing universal bodily norm describing it and its deviations. A person with a bodily deviation is perceived as a disabled one when they are perceived as 'the other'. When compared with a 'healthy' person, a deviant is taken as a disabled one; when considered separately, a deviant is a person with alternative possibilities. From this perspective, disability is part of a paradigm of otherness (age, gender, and nationality).

Keywords: disabled person; deviant body; deviant senses; deviant psyche and mind; organ projection; disability studies.

История цивилизации – это и история инвалидизации, применения человечеством на каждом этапе развития все большего числа искусственно созданных приспособлений и практик, которые помогают ему выжить как биологическому виду вопреки требованиям естественного отбора. В статье рассмотрена терминология, связанная с проблематикой инвалидности и девиантного тела, в ее историческом развитии, а также формы репрезентации и осмысления этих понятий в обществе. Показано, что термин «девиация» позволил классифицировать инвалидов и формы их репрезентации. Инвалиды с девиацией тела легко поддаются изображению с внешней точки зрения, пик художественного внимания к ним приходится на XVII – начало XIX в.; они пытаются преодолеть свою стигму приспособлением и хотят быть «как все». Инвалиды с девиацией органов чувств привлекают художественное внимание со второй половины XIX в. Инвалиды с девиацией психики или разума стали предметом изображения только в XX в., ранее их сближали с девиантами социального поведения. Автор утверждает, что эта терминология инвалидности опирается на существование общепринятой телесной нормы, описывает ее и отклонения от нее. Человек с девиацией воспринимается как инвалид тогда, когда его понимают как «другого». Девиант на фоне «здорового» человека – это человек с ограниченными возможностями, девиант сам по себе – это человек с другими возможностями. В этом смысле инвалидность входит в систему понятий альтеричности (возраст, гендер, нация).

Ключевые слова: инвалид; девиантное тело; девиантная сенсорика; девиантные психика и разум; органопроекция; *disability studies*.

В журнале *Quaestio Rossica* (№ 1, 2019) был опубликован блок материалов, посвященный вопросам изображения «другого тела» в литературе и живописи. Понимание и терминологические правила авторов настолько различны, что это вынуждает обратиться к теме в дискуссионном ракурсе. Задача создания краткой истории репрезентации инвалида (человека с ограниченными возможностями) в русской

литературе на фоне культуры Европейского региона заставляет рассмотреть терминологию в ее историческом развитии. Ту или иную форму понимания инвалидности диктуют общественные условия на определенном этапе исторического развития, внешние по отношению к инвалиду. Само понятие инвалидности обусловлено также исторически: оно не существует извечно, а возникло в определенный период развития социума. Осознание инвалида свидетельствует не столько о гуманизации общества (как обычно толкуют), сколько о степени его экономического развития.

Формы репрезентации инвалида обусловлены внутренними причинами, теми диагнозами, на основе которых установлена инвалидность: термин *инвалид* относится к астматикам, к людям с нарушениями опорно-двигательного аппарата, к слепым, к глухим, к людям с большой психикой и т. п. Между тем, огромные различия между всеми этими типами очевидны: и объективные «медицинские», и субъективные – каждого из них по-разному осмыслиют «здоровые» люди, и все они по-разному осмысливают себя (одни полностью не осознают проблему, другие сознательно отрицают свою инвалидность, третьи ею активно пользуются и т. д.). Слово «здоровый» не случайно закавычено. Долгое время культура исходила из противопоставления человека тотально здорового человеку тотально нездоровому. Человека, находящегося в состоянии болезни, процессуально *болеющего* или *умирающего*, культура не дифференцировала (в трагедии Сервантеса «Комедия об осаде Нумансии» (1581–1583) смертельно раненый герой Марандро, истекая кровью, произносит огромный монолог и тогда уже спокойно умирает). Л. Н. Толстой первым в русской литературе заметил человека *болеющего* [Строганов, 2019б].

Если признать инвалидом человека, который не может обойтись без посторонней помощи или без специальных приспособлений, то вся история цивилизации являет собой историю инвалидизации. Человечество не может обойтись без множества приспособлений, которые вполне естественно назвать протезами: и колесо, и телесеть, и домашние животные, и солнцезащитные очки, и медицинская косметика – что это, если не протезы? Речь идет не о человечестве как таковом, а об отдельном человеке, но процессы личностного филогенеза и общественного онтогенеза изоморфны друг другу, и опрометчиво не усматривать некоторую аналогию между ними. Слуховой аппарат плохо слышащего человека напоминает телефон, так как на расстоянии все люди одинаково плохо слышат. Наши рассуждения напоминают теорию органопроекции в формулировке П. А. Флоренского [Флоренский; см. также: Геллер, 2006], но и принципиально отличаются от нее. Теория органопроекции считает техническое изобретение человечества проекцией какого-то органа человека, пускай даже не вполне осмысленного самим человеком. Теория инвалидизации видит в техническом изобретении компенсацию не самого органа, а исполняемой им функции. Недостача или несовершенство некоторой природной функции провоцируют по-

явление того или иного протеза и в этом отношении являются сознательно осмысленным актом¹.

Путешественники XVIII и даже XIX в., посещавшие дикие племена в Америке, Африке или Австралии, замечали, что у них нет инвалидов, из чего делали вывод, что у людей, близких к природе, не существует и отклонений от нее. Вывод неправильный и наивный, смерть как результат инвалидности была практически неизбежной и быстрой. Для архаического общества содержание инвалида – это непопулярная роскошь.

Как же называть подобного рода людей? Можно, конечно, взять уже устоявшееся английское *disability* (*disability studies*) – но так это же просто-напросто инвалидность, только по-английски!

Вот почему терминологическая нужда заставила вспомнить термин *девиация* (от лат. *deviatio* – отклонение), который позволил классифицировать инвалидов и формы их репрезентации. Инвалиды с девиантным телом легко поддаются изображению с внешней точки зрения, пик художественного внимания к ним приходится на XVII (в России XVIII) – начало XIX в. Инвалиды с девиантными органами чувств (глухие, слепые) привлекают художественное внимание со второй половины XIX в., но их изображение «здоровыми» людьми вызывает критику с их стороны. Инвалиды с девиантными психикой или разумом стали предметом внешнего изображения только в XX в., до этого «дураки», «сумасшедшие» сближались с девиантами социального поведения.

Инвалиды разных групп и репрезентируют себя по-разному. Инвалиды с девиантным телом пытаются преодолеть свою стигму приспособлением и хотят быть *как все* (Паралимпийские игры). Инвалиды с девиантными органами чувств подчеркивают свою инаковость, не хотят признавать ее стигмой и строят на этом свое поведение. Инвалиды с девиантными психикой или разумом либо не осознают свою инаковость, либо скрывают ее, но она является общераспространенным символом, применяемым не только к собственно инвалидам. Именно так в этой системе и работает понятие *девиантный*, которое использовалось в рамках исследовательского проекта [Носенко-Штейн].

Приведем возражения Л. Геллера, уважаемого автора материалов в журнале *Quaestio Rossica* (2019, № 1): «...статья М. Строганова о теле инвалидов написана в рамках проекта “Репрезентация инвалидности и людей с ограниченными возможностями здоровья в России”. Однако в самой статье появляется термин “девиантное тело”, и в аннотации на английском языке так и сказано: *deviant body*. Нам тут видится недоразумение. Если мы говорим о *disability*, то вряд ли можем говорить о *deviant body*. Понятие девиантности заставляет предположить, что существует не только общепринятая телесная норма,

---

¹ Ср. близкую по материалу, но отличную по решению вопроса позицию: [Геллер, 2009].

но и ее прямолинейное шествие сквозь время, которое ветвится девиациями. А значит, последние подлежат изучению не сами по себе, а по отношению к норме. Мы говорим не с позиции левоидеологического резонанса (которым, бывает, страдают те, кто занимаются “штудиями ограниченности”), а с точки зрения чистой методологии» [Геллер, 2019, с. 182].

Я, со своей стороны, вижу в этом построении то же самое недо-разумение. Разве в обществе не существует представление об «общепринятой телесной норме»? Конечно, существует, поскольку оно заложено в человека всем его воспитанием и социализацией. И изучение телесности стремится описать эту норму, ее эволюцию во времени («ее прямолинейное шествие сквозь время») и всевозможные отклонения от нее («ветвится девиациями»). И так же разумеется, что девиации эти «подлежат изучению не сами по себе, а по отношению к норме». Все возможные *disability*, хотим мы этого или не хотим, мы описываем как *deviation*.

Именно поэтому Ю. Подорога в том же самом блоке говорит, что «девиация – уже не отклонение от нормы, а индикатор трансформации телесности или обновления отношений между телом и душой (сознанием)» [Подорога, с. 188–189]. По сути, конечно, «трансформация» – это «отклонение» от прежней нормы, и с течением времени трансформер сам станет нормой, а от него пойдут новые девиации. Далее П. Казарновский пишет: «Уместно рассматривать концепт „девиация“ как „бездорожье“, „отклонение от маршрута“: „путь, дорога“ по-латыни – *via*, *devia* означает „одинокое“; *deviat* – „отклоняться“» [Казарновский, с. 218]. Удивляться обращению к термину *девиация* не приходится, поскольку в основе обеих статей лежат доклады на конференции «Телесные девиации в русской культуре» / “*Deviant bodies in Russian culture*” / «*Les corps déviants dans la culture Russe*», прошедшей 23–24 февраля 2018 г. в Университете Женевы [Morard, p. 10, 17]. И редакторы журнала этот раздел на обложке называют следующим образом: *Bodily Deviations in Literature and Art*.

Я согласен, что девиация – не самое лучшее обозначение. Но термин *инвалид* (‘не-способный’, ‘не-могущий’) несколько не лучше, а якобы политкорректное. Но *человек с ограниченными возможностями* еще хуже: от него за версту несет амбициями «здорового» и с безграничными возможностями человека. Л. Геллер сочувственно приводит цитату из романа А. Зиновьева: «Только благодаря уродам здоровые люди осознают себя в качестве нормальных людей» [Геллер, 2019, с. 182]. Однако благодаря девиантам окружающие их люди начинают понимать, что и они сами вовсе не такие здоровые, и поэтому начинают по-новому относиться к девиантам. Осознание инвалидов инвалидами гуманизирует общество.

Человек же с девиацией воспринимается по-настоящему как инвалид только тогда, когда его понимают как «другого». На фоне «здорового» человека девиант – это человек с ограниченными

возможностями, «нездоровый» человек. А без этого фона девиант – это человек с другими возможностями, которые иначе соответствуют окружающему миру. В этом смысле инвалидность сопоставима с такими природными параметрами описания общественной жизни человека, как возраст, гендер, нация, и покрывается понятием альтеричности.

Список литературы

- Геллер Л. «Органопроекция»: в поисках очеловеченного мира // Звезда. 2006. № 11. С. 145–156.
- Геллер Л. О протезах и парадигме Нового Человека // Универсалии русской культуры / под ред. А. Фаустова. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2009. С. 69–75.
- Геллер Л. О «яростном экспрессионизме» и прозе с протезами // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 171–186. DOI 10.15826/qr.2019.1.370.
- Казарновский П. Телесные и пространственные аномалии как отражение всеобщего распада (роман Павла Зальцмана «Щенки») // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 203–221. DOI 10.15826/qr.2019.1.372.
- Подорога Ю. Революционная телесность: А. Платонов и П. Филонов в поисках души // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 187–202. DOI 10.15826/qr.2019.1.371.
- Строганов М. В. Авторепрезентация слепоглухого человека в литературе // Обратная сторона Луны, или Что мы не знаем об инвалидности: Теория, репрезентации, практики : сб. ст. / отв. ред. А. С. Курленкова, Е. Э. Носенко-Штейн. М. : МБА, 2018. С. 127–177.
- Строганов М. Вокруг «Слепого музыканта»: художественная репрезентация девиантных органов чувств // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 155–170. DOI 10.15826/qr.2019.1.369.
- Строганов М. В. Инвалид инвалиду рознь: типология девиаций и культурное осмысление типов инвалидности // *Номо liber* : сб. памяти Л. Г. Фризмана / ред.-сост. П. С. Глушаков, Д. С. Бурого. Киев : Изд. дом Дмитрия Бурого, 2020. С. 361–389.
- Флоренский П. А. Органопроекция // Декоративное искусство. 1969. № 12. С. 149–162.
- Morard A., Soboleva L., Redin D. Transformations of Society, Bodily Imperfection, and Spiritual Beauty // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 7–20. DOI 10.15826/qr.2019.1.359.

References

- Florensky, P. A. (1969). Organoproektsiya [Organ Projection]. In *Dekorativnoe iskusstvo*. No. 12, pp. 149–162.
- Heller, L. (2006). “Organoproektsiya”: v poiskakh ochelovechennogo mira [Organ Projection: In Search of a Humanised World]. In *Zvezda*. No. 11, pp. 145–156.
- Heller, L. (2009). O protezakh i paradigme Novogo Cheloveka [Of Prostheses and the Paradigm of the New Man]. In Faustov, A. (Ed.). *Universalii russkoi kul'tury*. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, pp. 69–75.
- Heller, L. (2019). O “yarostnom ekspressionizme” i proze s protezami [On “Violent Expressionism” and Prose with Prostheses]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 1, pp. 171–186. DOI 10.15826/qr.2019.1.370.
- Kazarnovsky, P. (2019). Telesnye i prostranstvennye anomalii kak otrazhenie vseobshchego raspada (roman Pavla Zaltsmana “Shchenki”) [Physical and Spatial Anomalies as a Reflection of Total Decay (Pavel Salzman's Puppies)]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 1, pp. 203–221. DOI 10.15826/qr.2019.1.372.
- Morard, A., Soboleva, L., Redin, D. (2019). Transformations of Society, Bodily Imperfection, and Spiritual Beauty. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 1, pp. 7–20. DOI 10.15826/qr.2019.1.359.

Podoroga, Iu. (2019). Revolyutsionnaya telesnost': A. Platonov i P. Filonov v poiskakh dushi [Revolutionary Corporality: Platonov and Filonov in Search of the Soul]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 1, pp. 187–202. DOI 10.15826/qr.2019.1.371.

Stroganov, M. (2019). Vokrug “Slepogo muzykanta”: khudozhestvennaya reprezentatsiya deviantnykh organov chuvstv [Around *The Blind Musician*: The Artistic Representation of Deviant Sense Organs]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 1, pp. 155–170. DOI 10.15826/qr.2019.1.369.

Stroganov, M. V. (2018). Avtorepresentatsiya slepoglukhogo cheloveka v literature [Auto-Representation of a Deaf-Blind Person in Literature]. In Kurlenkova, A. S., Nosenko-Shtein, E. E. (Eds.). *Obratnaya storona Luny, ili Chto my ne znaem ob invalidnosti: teoriya, reprezentatsii, praktiki. Sbornik statei*. Moscow, MBA, pp. 127–177.

Stroganov, M. V. (2020). Invalid invalidu rozn': tipologiya deviatsii i kul'turnoe osmyslenie tipov invalidnosti [There are Disabled People, and Then There are Disabled People: A Typology of Deviation and the Cultural Conceptualisation of Disability Types]. In Glushakov, P. S., Barago, D. S. (Eds.). *Homo liber. Sbornik pamyati L. G. Frizmana*. Kiev, Izdatel'skii dom Dmitriya Burago, pp. 361–389.

The article was submitted on 25.05.2019